

Вера Чиркова

ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. БОННА
ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. МАГИНЯ

ЗАЛОЖНИЦА. СДЕЛКА
ЗАЛОЖНИЦА. ИСПЫТАНИЕ
ЗАЛОЖНИЦА. ЗАПАДНЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК. БЕГЛЯНКА
СТАРЫЙ ЗАМОК. ПРИМАНКА

РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. БЕСПРИДАННИЦЫ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. КАДЕТКИ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. СОРАТНИЦЫ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА
СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. ХРАНИТЕЛЬНИЦА

ЗВАНИЕ БАБА-ЯГА. ПОТОМСТВЕННАЯ ВЕДЬМА
ЗВАНИЕ БАБА-ЯГА. УЧЕНИЦА ВЕДЬМЫ

ДОЧЬ ДВУХ МИРОВ. ИСПЫТАНИЕ

Цикл «Серпантин»

ВИРАЖИ ЧУЖОГО МИРА
БЕГУЩИЕ ПО МИРАМ
ИНТРИГИ ТЕМНОГО МИРА
ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО МИРА

Цикл «Маглор»

МАГ ДЛЯ БАСТАРДА
ВОЖАК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ПОДРУГА ДЛЯ МАГА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Дочь двух миров. Испытание

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2018

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 396

Художник
С. Бабкина

Чиркова В. А.

Ч-64 Дочь двух миров. Испытание: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 280 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2787-1

Не слишком приятно и очень грустно разом потерять все, из чего состояла твоя жизнь, и оказаться непонятно где и абсолютно без всего. Даже без одежды. Но когда на кону жизнь единственного близкого человека, однажды спасшего тебя и сделавшего для твоего счастья все, что было в его силах, — другого выхода просто нет. И было бы глупо ждать в ответ за свой поступок каких-то подарков или благ вроде необычных способностей или заплутавшей где-то необыкновенной любви. Да и не совершаются добрые дела в надежде на награду. Хотя у судьбы на этот счет особое мнение.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2787-1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Меня забросило в лес, в этом я почти не сомневалась.

А чем еще могли быть растущие со всех сторон пышные, никем не обломанные кусты, над которыми возвышались подпирающие кронами небо деревья?

Правда, пока неясно, какой он, этот лес. Может быть, совсем небольшой, вроде парка или рощи, и если пойти через него, то скоро выйдешь к городу или деревне. Но вполне вероятно, что огромный, и выяснить это точнее у меня пока нет никакой возможности.

И я очень опасалась, что она не появится и через несколько часов или дней. Просто до сих пор не ощущала в себе никаких способностей не то чтобы следопыта, но и обычного туриста.

И даже хуже.

Желания идти куда-то через довольно густые, сумрачные заросли тоже не чувствовала. К тому же небо, видимое в просветах крон, сплошь закрыто темными, серо-фиолетовыми тучами, от которых так и веет проливным дождем.

Даже странно, во всех прочитанных мной книжках попандцы обычно знали, чего им хочется или хотя бы куда нужно идти. Ну, на худший случай, от кого бежать.

А меня тянуло забиться в какую-нибудь норку или под елку, желательно самую развесистую и колючую, и немного поплакать от жалости к себе и от обиды на родного деда. Ну или почти родного. И на судьбу, не просто вышвырнувшую в чужой пока мир, но и отобравшую все, что я до этого дня считала своим и любила.

Первые, пока редкие капли приближающегося ливня, так и не раздумавшего осчастливить меня ради прибытия, стукнули по носу, запутались в ежике коротких волос, добрались до кожи. Я встрепелась и торопливо завертела головой, в надежде отыскать хоть чуточку более надежное убежище, чем кочка, на которой так и сидела с того эпохального момента, когда вывалилась на нее практически из небытия.

С той стороны, откуда летели капли, тревожно зашелестело листвою невидимое, но явно немаленькое дерево. Пересиливая непонятную робость и слабость, я поднялась с травы и побрела туда, продираясь сквозь кусты и осторожно огибая подозрительные кучи мусора. С детства помню, чьими жилищами они могут оказаться, поэтому, заметив сухую ветвь, подобрала ее и, пока добиралась до цели, отломала тонкий конец и мелкие веточки, получив неказистую, зато весьма увесистую дубинку.

Вблизи дерево моих надежд не обмануло, превратившись в гигантского раскидистого ветерана с неохватным стволом и роскошной, закрывающей небо, синеватой кроной. Спеша до дождя притулиться где-нибудь поудобнее, я рванула к нему и вскоре наткнулась на просторное углубление между двумя мощными корнями толщиной с хорошее бревно, углом расходящимися в разные стороны. Между ними лежал стожок высушенной листвы, и мне хотелось верить, что ее нанесло ветром. Но даже если это не так, уступать кому-то свою находку я не собиралась. Разворошила листвя, устроила гнездо и влезла в него, укладываясь так, чтобы можно было в любой момент вскочить и дать отпор. Ну или сбежать, судя по обстоятельствам.

Дождь понемногу усиливался, дерево шелестело все сильнее, однако в моем закутке было сухо и довольно тепло, и я начала успокаиваться.

Думать о том, как здесь выжить, я пока не хотела, да и никогда не любила строить пустые, совершенно утопические прожекты, как Наташка, одна из моих бывших сотрудниц.

— Вот представьте, иду на работу, и меня вдруг сбивает роскошная машина. А там олигарх, — говорила она, мечта-

тельно закатывая обведенные густо-синим карандашом глазки. — Он, конечно, бросается ко мне, берет на руки, сажает в салон...

— Вывозит за город и выкидывает в мусорную яму, — меланхолично заканчивала Ольга, наш кассир. — Да еще дает бульдозеристу пару сотен на пиво, чтоб прикопал понадежнее. «Олигархи» и «добрые самаритяне» — антонимы.

Тогда я смеялась над возмущенным Наташкиным пыхтением и никогда бы не призналась, что и сама иногда придумываю романтические истории. Только меня никогда не интересовали богатенькие бизнесмены, насмотрелась на них вблизи за время работы в магазине. Они никого не видят, кроме себя, а судя по разговорам, всех незнакомых людей оценивают прежде всего по одежде. Бренддовая или нет.

А в моих историях все было проще. Мне внезапно дарил щенка или котенка скромный, тихий парень вроде соседского Тимки, вечно копающегося в каких-то моторах и в упор не замечающего никаких девушек. «Возьми, Варя, — говорил он, — у тебя ему будет хорошо. А гулять с ним будем по очереди... или вместе, если захочешь».

Я тоненько всхлипнула от жалости к себе. Те мечты и тот мир остались в прошлом, и знакомство с тихим любителем собак и прогулок мне больше не светит. Теперь меня ждет совершенно незнакомая жизнь, и только от меня зависит, удастся ли с ней сродниться. А еще от того, как выполню задание Беса, который, как выяснилось, давно изобрел многоступенчатый план по возвращению сюда, но меня посвятил в него лишь пару недель назад.

Тот день мне помнился так ясно, словно все произошло вчера. Был понедельник, законный выходной, и я собиралась выпасться всласть, потом сбегать в супермаркет и наготовить еды на два-три дня. Еще убрать и постирать... точно зная, что к вечеру захочу только одного. Устроиться на диване с любимыми пирожными и хорошей книжкой.

Однако все пошло не так. В восемь утра позвонил дед, но, схватив мобильник, я услышала не его насмешливый бас, а звонкий, холодно-официальный женский голос:

— Варвара Синцова? Это из «скорой помощи». Ваш дед, Бессонов Сергей Петрович, сегодня ночью перенес инфаркт, и ему требуется уход. Вы приедете сами или будете нанимать сиделку?

— Сама, — еще мало что соображая со сна, буркнула в ответ.

Несколько секунд, просыпаясь окончательно, слушала гудки, потом резво подскочила и помчалась собираться. Дед у меня — единственный родной человек на всем белом свете, и когда речь идет о его здоровье, отступают все остальные заботы.

Неподалеку кто-то возмущенно фыркнул, вырывая из полудремы и воспоминаний, и я резко приподнялась, оглядывая мокрые кусты. Близко к дубу они не подступали, видимо, мешала тень, зато здесь рос пышный мох и какие-то совершенно не опознаваемые грибы с кудрявыми сиреневыми шляпками. И среди этих диковинных грибов стояло на двух ногах еще более невероятное существо. Ростом с большую, почти как горилла, обезьяну и такое же лохматое, только изумрудно-зеленое. Даже не заросшие шерстью клочки кожи вокруг глаз и на носу отливали оливковой зеленью.

— У-у! — жалобно простонало оно и сделало пару шагов к моему гнезду.

Рыкнув в ответ так грозно, словно была уссурийским тигром, я перехватила палку поудобнее и грозно помахала ею над головой, давая понять, что без боя не сдамся.

И свое убежище тоже никому не уступлю.

Зеленое существо понуро опустило плечи и побрело куда-то в дождь, а я вернулась на пригретое местечко и огорченно вздохнула. Неизвестного зверя почему-то было жаль, но и себя не меньше. А еще очень хотелось есть. Однако мне и под расстрелом не пришло бы в голову пробовать незнакомые грибы. Дед запретил даже прикасаться к местным растениям, пока не найду людей или не проявятся хоть какие-то способности.

Хотя с того фатального дня я верю ему вовсе не так уж безоговорочно, как прежде.

Снова вспомнилось, как почти бегом добиралась от станции до деревушки, как отпирала калитку и торопливо поднималась по ступеням знакомого крыльца. А распахнув дверь, сразу обнаружила деда, спокойно загружавшего в духовку противень с какими-то пирогами.

— Ты зачем встал? — рассердилась я тогда.

— Пока и не ложился, — хитро ухмыльнулся он. — Умывайся и садись к столу, мне нужно открыть тебе одну важную тайну.

В тот момент я больше всего была рада, что он не валяется в подушках бледный и жалкий, а бодро топает по комнате, ставя чайник и подавая на стол посуду.

Но уже через полчаса, выпив чашку кофе и выслушав совершенно невозможную, на мой взгляд, ересь, сообразила, что врач «скорой» была права. Оставлять деда без присмотра никак нельзя, но сначала нужно хотя бы попытаться достучаться до его разума.

— Бес, ты все-таки серьезно болен, — констатировала я, расстроено рассматривая загорелое, почти не морщинистое лицо. — И даже не спорь. Давай вызовем хорошего врача?

— Не притворяйся дурочкой, — беззлобно фыркнул он в ответ, доставая из доисторического холодильника пластиковую бутылку из-под колы.

Судя по цвету — с молоком. Следом появились завернутый в бумажные полотенца и втиснутый в полиэтиленовый пакет домашний каравай и литровая банка свежего меда.

— Вернись к столу и выслушай меня внимательно, — нарекая еще теплый хлеб, велел Бес, и я, строптиво поджав губы, села на свое место.

— Я все уже слышала. И могу сказать только одно: у тебя что-то с головой. Не нужно целыми днями сидеть за компом и читать всякую фэнтэзятину. Особенно про попаданцев.

— Ну не любовные же романчики мне читать, — подколот он, разливая молоко в большие чашки. — Да и не глотаю я столько книг, как ты. И вообще, разговор сейчас не об этом.

— А про *то* ты мне почти целый час мозги морочишь, и с меня хватит, — сердито стукнула я кулаком по столу и попыталась встать, но ноги почему-то отказали. — Бес! Сейчас же прекрати тренировать на мне свой гипноз!

— Я не имею никакого отношения к гипнотизерам и не верю их трюкам, — щедро поливая ломоть хлеба медом, бесстрастно сообщил дед и, положив его на блюдце, подвинул мне: — Ешь. Я пока повторю основное, потом можешь задавать вопросы. Времени хватает.

— Я сама теперь могу повторить тебе твоё основное, — передразнила я. — Проверяй! Мы с тобой якобы из другого мира, почти двадцать два года жили себе тут спокойно, а сейчас почему-то должны вернуться. А теперь мои вопросы, отвечай! Зачем мы сбежали из того мира, если там было так хорошо? А если попали сюда случайно, то почему не вернулись сразу же? Ну и последнее. С какой... дури мы вдруг ринемся туда, если нам и тут неплохо живется?

— Там ты попала под лавину. Меня утащило в пропасть, когда вытаскивал тебя, пришлось из последних сил открывать портал, но от испуга перестарался и попал сюда. А вернуться сразу не смог, потратил все силы, даже сознание потерял. Нас нашли в поле. Мокрых, грязных, без одежды. Языка я тогда не знал и потому молчал, притворился идиотом. Думал, восстановлю силу и вернусь, но обнаружил, что этот мир ниц на магию. Пока отлежался в больнице, потом в дурдоме, пока доказал, что не псих, и получил хоть какие-то документы, тебя успели сдать в приют. Пришлось воровать и скрываться. Здесь одиноким мужикам со справкой вместо паспорта даже в то время детей не давали.

— Дед, я столько книг про попаданцев прочла, и меня всегда волновал один вопрос... — подозрительно уставилась я на мужчину, которого еще вчера считала родственником, причем любимым и единственным. — Все они в конце концов оказываются принцами, демонами или избранными. Сразу доложи, ты кто, беглый король? А может даже, вожак оборотней? Или это я — принцесса фей?

— Твой сарказм неуместен, я не сумасшедший, если ты на это намекаешь. И не король и не демон. Обычный маг, там таких много. А ты — дочь крестьян, сель краем задел усадьбу твоих родителей.

— А ты говорил... — мгновенно задохнулась я обидой, сразу вспомнив прежнюю версию Беса.

Будто он мой родной дед и нашел меня в детдоме, когда родители пропали без вести.

— А что еще я мог сказать? Документов нет, пенсии за потерю кормильцев — тоже. Ты подрастешь и начнешь считать себя брошенным в роддоме отказником, — мрачно буркнул дед.

— Значит, они все же погибли. — В моей душе синим пламенем сторала слабая надежда когда-нибудь встретиться с мамой.

— С чего ты взяла? — изумленно вытаращил он по-молодому яркие зеленые глаза. — Их я нашел первыми и отбросил в сторону. А потом почувствовал в глубине еще искорку магии и прыгнул туда порталом. Ты даже не испугалась, спокойно спала, защитный амулет держал вокруг тебя надежный кокон.

— То есть... ты хочешь сказать, они... — Горло внезапно перехватило спазмом.

— Варя! — ринулся ко мне Бес, замахал руками, потом, опомнившись, схватил стакан с водой: — Пей!

— Так почему мы не пошли к ним раньше? — С каждым глотком холодной воды в меня вливалось новое подозрение. — Ради чего остались тут? Ты уже давно что-то химишь, не зря тебя соседи Бесом зовут.

— Раньше мы никак не могли. Место силы, хоть и слабое, я нашел только через двенадцать лет, еще два года ушло, чтобы набрать денег и уговорить хозяина. Он никак не хотел продавать дом, это память о его родителях. Предлагал купить рядом, а мне не нужен был другой. Я и тут, почти все время сидя в подвале, еле набираю за месяц четверть резерва... Хотя это неверное слово, да и понятие ложное, но тебе оно привычнее. Так вот, когда я наконец купил дом, ты отка-

залась переезжать... нет, я тебя не виню, друзья, первая влюбленность — для восемнадцатилетней девушки это было очень важно.

— Мне тогда было шестнадцать, — поправила я.

— Извини, — хмуро глянул Бес, — но свидетельство о рождении я тебе купил. А на самом деле ты года на два старше. Но точную дату я не знаю... да и нет тут такой даты. И настоящего имени твоего тоже не знаю. Вокруг моего замка несколько деревушек, и знать всех младенцев просто невозможно.

— Какого еще замка? — вмиг насторожилась я. — Ты же сказал, что простой маг?

— Неужели ты меня подозреваешь во лжи? — обиделся Бес. — Когда я тебе врал?

— Да как выясняется — всю жизнь.

— Это была необходимость! — вспыхнул он. — Ты же понимаешь, что меня могли упечь в дом сумасшедших, если бы я сказал тебе правду, а ты потом где-нибудь проболталась? Я не за себя беспокоился, той толики магии, которую всегда держу про запас, мне хватит, чтобы выбраться из любой переделки. Зато тебя могли за это время отправить в приют, а это страшное место... Я специально изучал. Редко где детей не бьют открыто, но издеваются везде. И сами работники, и старшие воспитанники... лучше тебе не знать. Потому я тебя даже на час бы туда не отдал.

— Извини... — Я и сама осознавала справедливость его слов, но никак не могла разобраться в куче свалившейся на меня информации, перевернувшей все мои представления о себе и мире, разрушившей в пыль все мечты и планы.

— Понимаю, — буркнул он. — И поверь, заранее готовился к этому, как к выступлению с трибуны. Вопросы записал, доказательства припас... Кстати, свое жилье замком зову всего лишь потому, что не знаю другого подходящего слова. На самом деле это просто дом за высокой стеной. И она не меня защищает от людей, а слишком любознательных подростков от несчастных случаев.

— Бес... — легко сдаваться мне вовсе не хотелось, — а фамилия, имя?

— Меня зовут Бестенс. Вернее, это одно из трех имен. Вот и придумал фамилию Бессонов. И имя взял какое попроще. Так и живу уже двадцать два года Сергеем Петровичем.

— Так сколько тогда мне?

— Здесь — двадцать два с половиной, может, двадцать три. А у нас годы чуть длиннее, и дни тоже. Но по моим подсчетам ты уже переступила третье совершеннолетие, оно наступает в двадцать лет, поэтому имеешь право сама решать, вернешься домой или останешься здесь. Но сначала выслушай подробности.

— Прежде всего ответь... если я решу остаться, ты все равно уйдешь?

— Нет... не уйду. Не смогу. Энергии не хватит открыть проход.

— А со мной, значит, тебе хватило бы?

— Я и не собирался идти с тобой, — помрачнел он. — Вернее, не сразу. Ты вполтину легче меня, и силы понадобятся вдвое меньше. Я точно рассчитал — отправить тебя мне как раз хватит запасов.

— Дед! — мгновенно вспыхнуло во мне возмущение. — И как ты себе это представляешь? Выхожу это я в твоём мире и сразу смогу разговаривать, всех понимать и все мне будут жутко рады? Я все-таки книжки про попаданцев читаю, и этот момент меня всегда смешил.

— Разговаривать ты сможешь и понимать тоже, — невесело ухмыльнулся Бес, переходя на язык сказочной страны, придуманной им для меня еще в детстве.

Когда мы с ним весело переговаривались на этом мягком языке, прохожие недоуменно оглядывались, а некоторые даже подходили и интересовались, откуда мы приехали. Ни один из европейских языков не звучит так певуче и одновременно звонко, а на каких-нибудь забытых цивилизацией островитян мы ничем не походили.

— Так, значит... — начала я понимать, чем занималась всю жизнь, — сказки про страну синих дубов и розовых облаков — вовсе не небылицы?

— Я же маг, а не менестрель, чтобы придумать столько связанных логикой подробностей, — снова хмуро хмыкнул Бес. — Рассказывал чистую правду. И про магов, и про селян, и про заповедные леса, и про разных разумных существ.

— Ну и как мне искать среди этих леших, русалок и селян своих родителей? И с чего они вдруг поверят, будто я и есть их погибшая дочка?

— Там все знают, что ты не погибла, — терпеливо сказал дед, впрочем, он всегда умел все разъяснять очень доходчиво. — Межмировой перенос — вовсе не то же самое, что обычный портал. Он переносит лишь человека, практически разбирая на молекулы. А все остальное остается на месте. Я же тебе говорил. Маги обязательно должны были нас искать. И как только они нашли мою одежду и амулеты, то сразу поняли, что произошло.

— То есть, — медленно пробормотала, представляя эту картинку, — я появлюсь там еще и в чем мать родила? И меня не примут за сумасшедшую или какую-нибудь шальную русалку? И не погонят из деревни метлами? Или, еще хуже, могут принять за жрицу любви?

— Я об этом думал, — виновато глянул Бес, — и нашел выход. Только не начинай сразу кричать... сначала выслушай спокойно.

Кричать мне тогда не хотелось, абсолютно. Было огромное желание вскочить и сбежать, и не в свою квартиру, там он меня найдет, сам ее покупал. Нет, куда подальше, за океан, в Австралию, на дикие острова, потому что в глубине души я уже знала, что соглашусь на любую придуманную им авантюру. Ведь сообщением о родителях он попал мне прямо в сердце. О том, что они живы и не бросили меня, не уехали за деньгами в Америку или за открытиями в Тибет. А просто потеряли маленькую дочку в стихийном бедствии и надеются когда-нибудь встретить.

Я слушала и возмущалась, спорила и стучала по столу кружкой, но в конце концов все равно согласилась. Хотя сыграл свою роль вовсе не довод, который дед считал главным.

— Ты пойми, у многих жителей нашего мира есть способность управлять магией, у кого-то крохотная, у кого-то вообще незаметная. Примерно как у землян — умение петь. Но повезет только тем, чьи слух и связки не изуродует детская ангина или хроническая простуда, а остальные потеряют эту способность в раннем детстве или при взрослении. Так же и магическая одаренность. Малыш еще в утробе матери чего-то недополучил или испугался, как говорят здесь — испытал стресс, и сам наложил на себя защиту, которая закрыла к нему доступ магии. Поэтому прана, это самое подходящее местное слово, не поступала в организм, обтекая его стороной. Вот и не сформировались каналы, не вызрело неосознанное умение собирать энергию с каждым вздохом, как кислород. А при межмировом переносе все эти изъяны и уродства организма исправляются, тело собирается самым оптимальным вариантом. Можно сказать, идеальным, потеряв все болезни, раны и недостатки. И это не подарок, а необходимость, иначе практически невозможно выжить в чужом мире, где даже воздух и сила тяжести другие, не говоря про сотни прочих опасных различий.

— Следовательно, здесь ты стал сильнее? — уловила я из этих объяснений самое важное, что хотела знать наверняка.

— Да. Потому и уверен в успехе, — твердо кивнул он. — И кроме того, сто раз все просчитал и даже сделал несколько экспериментов. Тебе ничего не грозит, я бы никогда не решился открыть портал, если бы оставался хоть малейший шанс потерять единственного родного человечка. Но говорю сейчас не про себя. Ты теперь тоже маг, и я, как умел, все эти годы поддерживал в тебе эту способность. Да и сама, когда успокоишься, можешь припомнить, как везло тебе, если случайно падала, и как быстро исчезали все твои царапины. Уж извини, но я старался развивать в тебе защиту и целительство, на остальное не хватало энергии. А после переноса ты будешь уметь намного больше, только не рискуй, подожди день-два в укромном местечке, пока организм стабилизируется.

«Так вот почему меня так упорно манили разные елки и темные уголки!» — дошло вдруг до моего сознания, заморо-

ченного последними суматошными днями в родном, как я ошибочно думала, мире. Это дед постарался вбить мне в голову главные, по его мнению, правила. «И правильно, наверное, делал», — огорченно вздохнула я, словно наяву увидав его осунувшееся, обросшее седой щетиной лицо.

Поэтому главный довод, окончательно склонивший меня к этой аванюре, даже вспоминать не нужно, он и так все время рвет душу.

— Дед... — робко спросила я на следующее утро, — а может... все-таки останемся?

В тот момент мы вместе с ним спускались в подвал, где он оборудовал мастерскую и лабораторию в одном флаконе.

Причем современную и стерильную, ничем не похожую на остальной дом. Это там, наверху, стояли старинные шкафы и диваны, лежали на полу привезенные из города потертые ковры и висели на окнах выцветшие занавеси. А здесь были собраны какие-то приборчики и колбочки, блестели никелем инструменты и крохотные весы. Бес осторожно приторговывал собственноручно сваренными зельями, и они были в десятки раз эффективнее разрекламированных пилюль.

— Как хочешь, — сказал он внешне спокойно, но спина сразу как-то сгорбилась, руки бессильно обвисли, и мне вдруг стало понятно, как сильно он постарел за последнее время, хотя и старается держаться.

— А сколько тебе было там... когда мы попали сюда?

— Шестьдесят, — нехотя признался он и тише буркнул: — Но в нашем мире это считается молодостью. Мы живем в несколько раз дольше... магия, натуральные продукты, никаких заразных болезней.

— Но у тебя же и здесь есть магия! — Мне никак не удавалось понять, в чем проблема. Ведь он может сварить себе омолаживающее зелье, варит же богатым дамочкам и разным неизвестным личностям.

— Есть. Но очень мало. Все, что могу, вкладываю в накопители, чтобы с гарантией хватило на портал. И тратить на себя этот запас не собираюсь, — мрачно отчитался Бес.

Вот тогда я и поняла, что он и в самом деле скорее сдастся старости и болезням чужого мира, чем отнимет у меня надежду на встречу с матерью. Потому покорно, как мазохистка, и пошла в дальнюю комнатку, где мне предстояло прожить следующие две недели, обучаясь умениям, необходимым для выживания на далекой родине. И в основном ненадолго превращаться в подобие шеосса, бывшего в этом мире кем-то вроде лесничего и лешего в одном флаконе. Довольно неказистое и нелюдимое создание, зато покрыто мехом и не боится никаких хищников. И, конечно, разумное, никаким иным я никогда не согласилась бы стать даже на минуту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Глядя на растущую с рекордной скоростью густую шелковистую шерсть шоколадного цвета, покрывающую меня теперь с макушки до ногтей, я истерично хихикнула.

Все у нас получилось, хотя это была самая слабая сторона его плана. Закон междумирного переноса строг и незыблем, перейти может только разумное существо. И только в собственном теле. Даже если шагнет в портал в чужом облике, переход всегда доставит его в первоизданном виде. Но если научиться менять внешность и хотя бы немного потренироваться, чтобы тело наизусть выучило порядок действий, то, оказавшись в другом мире и получив бонус в виде усиления магических способностей, можно довольно быстро повторить этот фокус.

Нужно лишь иметь на преобразование хотя бы сутки, а лучше двое, и на этот случай дед научил меня несложному заклинанию отвода глаз. И я искренне считала, что оно действует, пока мерзла на своей кочке.

А вот теперь начала сомневаться, потому что зеленый гость снова сидел неподалеку от моего гнездышка и тихонько скулил, пытаясь обратить не себя внимание.

— А ну, пошел отсюда! — рывкнула я как можно более грозно и потрясла палкой.

Но существо обиженно фыркнуло и подвинулось ближе.

Пришлось вылезать из пригретого гнездышка, брать палку поудобнее и делать вид, будто собираюсь устроить ему взбучку.

— У-у! — укоризненно гукнуло оно и протянуло мне лапы, в которых держало лопух.

Ну или какой-то другой похожий лист, не важно. Зато на нем поблескивала мокрыми боками горка крупной земляники.

Она была такой знакомой и родной, что у меня во рту мгновенно появилась голодная слюнка, и некстати припомнилось, что ела я еще в родном мире, хотя это не имеет никакого значения. В новый мир человек всегда приходит с пустым желудком.

Но даже за эту прекрасную землянику я не готова была уступать так необходимое мне сейчас гнездо. Пусть приходит попозже, дня через два. Ничего же с ним не станет за это время, раз здесь в разгаре весна?

— Положи и отходи, — приказала строго, подумала и добавила помягче: — Можешь устроиться там, куда дождь не достает.

Если это шеосс, то он меня поймет, ведь говорю я на местном языке. А если какой-то зверь, то должен думать, будто шеосс — это я, и, значит, меня надо бояться.

Он вроде бы что-то понял, но поступил по-своему. Опасливо втянув голову в плечи, сделал несколько осторожных шажков ко мне и положил лопух на мох. А потом отодвинулся и сел на корень, явно давая понять, что теперь он отсюда не уйдет, так как выкупил это право своим подношением.

Справедливо, в общем-то, рассудил, вяло восхитилась я, пытаюсь сообразить, как забрать ягоды. Идти туда с палкой не получится, одной рукой лопух мне не унести. А положить палку, утащить ягоды и попытаться вернуться за оружием — полный идиотизм. Животное вполне может за это время стать хозяином дубинки и, следовательно, положения.

Значит, нужно оставить ее в гнезде. И, забрав ягоды, отступать задом, не выпуская из виду зеленого подхалима. Ну а если что — кинуть подарок ему в морду и бежать за палкой.

Так я и поступила, только дубинку предусмотрительно переложила в другую сторону, чтобы все время быть между ней и зеленым. Но он оказался порядочным — сидел, заинтересованно наблюдая за моими маневрами, и не сделал ни единого движения к гнезду.

Добравшись до укрытия и переведя дыхание, я долго нюхала и рассматривала ягоды, пытаясь найти хоть малейшее отклонение от самой обычной земляники и невольно вспоминая картинку «найди десять отличий». Но их не было. Ни одного.

Как такое возможно? Миры разные, деревья другие, я ни одного знакомого листика не увидела, дубы синие, грибы вычурные, мох... вот мох вроде похож на наш, хотя, насколько мне помнится по альпийской горке, он бывает разных видов.

А ягоды — просто копия, и не только вид и цвет, но и аромат. Нет, специально я не нюхала, он сам постепенно достиг моего носа, и есть захотелось просто нестерпимо. Как и пить... но это желание я старательно отгоняла. Дед обещал, что через сутки, максимум — двое, когда я надышусь местным воздухом и в организме накопится прана, то есть магия, он сам начнет сортировать растения на съедобные и ядовитые, отличать чистую воду и всякие зелья.

Хотя я уже вижу потоки чистой воды, здесь дожди не несут ни химических выбросов, ни радиоактивных микроэлементов. Но из-за настырного зверя не могу до нее добраться. А он смотрит так укоризненно, словно понимает мои подозрения и оскорблен до глубины души.

Может, и правда попробовать одну ягодку? Хотя не целую, только кусочек откушу, ведь от него мне ничего не будет? Голод все же победил в борьбе с сомнениями, и, придирчиво выбрав ягоду, я осторожно откусила самый кончик. Пыталась долго дегустировать, прислушиваться к своим

ощущениям, но он оказался таким настоящим и таким маленьким, что рука сама сунула в рот остальную ягодку. А потом еще одну и еще.

Опомнилась я в тот момент, когда в руках остался большой лист неизвестного растения, вовсе не похожего на лопух. А зеленый добродетель уже сидел рядом, по-хозяйски поглаживая меня по обросшему шерстью плечу.

— Эй ты, нахал! — возмутилась я. — А ну, пошел вон!

Но он даже ухом не повел, подхватил меня легко, как ребенка, и отсадил в сторонку. А сам повернулся спиной и принялся копать в моем гнезде. Я попыталась схватить дубинку и припугнуть захватчика, хотя уже сообразила, что глупо драться с ним всерьез. С такой силищей и ловкостью он просто раздавит меня, как букашку.

И обмерла от неожиданного жуткого открытия — мои конечности отказывались меня слушаться. Не шевелились ни руки, ни ноги, да и голова поворачивалась с трудом. И даже язык стал чужим, оставалось только сидеть и смотреть на ненавистную кучу зеленого мха, поймавшую меня проклятой земляникой как последнюю лохушку. В сердце вскипели злость и досада на собственную доверчивость, на глаза навернулись слезинки.

А ведь дед сто раз повторил одно и то же:

— Только не спеши, Варя, потерпи пару дней! Спрячься подальше, чтоб никого не встретить, и спи, все остальное потом.

Я и спряталась... в самом неудачном месте, как выяснилось.

Зеленый очень ловко отгреб листья от развилки корней, выкопал ямку и достал какой-то очень грязный предмет. Вроде горшочка или круглой шкатулки. Поддел пальцем крышечку и плюнул внутрь. Быстрой искрой блеснула зелененькая штучка, похожая на льдинку, получше рассмотреть не удалось, и крышка сразу же захлопнулась. Горшок вернулся на место, земля тоже, а следом мой враг отправил туда и листья, сложив плотной кучкой, как две капли воды похожей на ту, какой она была до моего прихода.

Впрочем, к этому моменту я уже с ужасающей ясностью понимала, что умудрилась сделать все мыслимые ошибки. И вовсе не я тут шеосс, а вот этот невозмутимый зеленый зверь.

Он знал это с самого начала и разыграл меня, как маленького ребенка, наслаждаясь неожиданным развлечением. А теперь связал непонятной силой и явно имеет на меня свои планы, помешать которым я не могу, хотя и желаю всей душой.

Закончив маскировку своего нищенского клада, шеосс как-то подозрительно оглянулся, посомневался, затем, явно приняв решение, жестом фокусника вытащил откуда-то пучок зеленых лиан и ловко обмотал меня ими.

Ну вот и стало окончательно ясно, кто я для этого монстра.

Добыча. Причем легкая, сама пришла, сама наживку взяла, еще и дров на зиму принесла. И сейчас меня или просто съедят, или засушат на черный день, а дед напрасно будет ждать в условленное время портал, который я должна была выпросить для него у совета магов. И год, и два, и три... так как знает: я о нем никогда не забуду и никогда не брошу, как он не бросил меня когда-то в пропасти, а потом в приюте.

Просто решит, что не все получилось сразу.

Слезы катились уже потоком, в горле набух комок, а в носу хлюпало, когда ловко вскарабкавшийся по стволу шеосс начал подтягивать меня к себе, как рыбу из речки.

Мимо мелькали ветви и сучки, то бедро, то плечо ощути-мо задевали ствол, и я, может, порадовалась бы, что уже покрыта шерстью, но думать о такой мелочи сейчас просто не могла. Меня переполняли горькая обида и тягучий, как смола, страх, перед которым отступили остальные чувства. И все, на что я еще была способна, — это зажмурить глаза и зло шипеть сквозь зубы, в очередной раз получая тычок от синего дуба.

Шеосс наконец подтянул меня к себе, сунул под мышку, как щенка, и куда-то поволок. Всего несколько секунд, но каждая оказалась для меня пыткой. А я еще считала, что нет ничего страшнее, чем входить в портал, когда не уверен, попа-

дешь ли туда, куда отправляешься, или непонятная система откажет как раз на тебе.

Нет, попасть в жилище шеосса, которому я так беспечно угрожала палкой, намного страшнее. И где была моя интуиция, почему я не схватила свою дубину, не раскланялась с зеленым монстром и не сбежала, как заяц от волка? Вообразила себя магиней... три ха-ха. Магии так и не увидела, а жизнь уже тью-тью. Я снова всхлипнула и еще крепче сжала веки, предпочитая не видеть, как меня начнут есть.

Но монстр меня вдруг уронил. Сердце на миг остановилось, рот открылся в безмолвном крике, и тут же от удара легонько лязгнули зубы. Хотя пол был не очень твердым и я почти не ушиблась — упорно лежала не шевелясь и не открывая глаз. И вскоре почувствовала, как лапы шеосса крутят мое тело, снимая лианы. Затем он посадил меня, прислонив к чему-то спиной, и исчез.

Несколько минут, тянувшихся бесконечно, как вечность, я терпела, потом не выдержала и приоткрыла один глаз. Огляделась и распахнула второй. Я сидела у стенки сплетенного из ветвей шалаша, устланного сухим мхом и мелкой травкой, а шеосса нигде не было. Мелькнула мысль попытаться сбежать — и тут же растаяла. Руками я уже могла немного двигать, но ноги до сих пор оставались парализованными.

Внезапно ветви в дальнем от меня углу раздвинулись, и в щель протиснулся шеосс. В лапах он держал две деревянные посудыны, больше всего похожие формой и размером на ведерки, в каких продается квашеная капуста. Одну он протянул мне, вторую примостил на крохотную кривенькую полочку.

Я демонстративно спрятала руки за спину, и близко не собираясь ничего брать у этого гада. Хватило одного раза, второй не попадусь.

— Ешь, — внезапно хриловато буркнул он.

Его неожиданная разговорчивость меня ничуть не удивила и не обрадовала, лишь острее кольнула сердце горечь разочарования. Глупо ждать чего-то доброго от разумного суще-

ства, которое обращается с беззащитной незнакомкой как с рабом или вещью.

— Да пошел ты... — вырвалось само, ну а потом я уже добавила от души: — ...со своими подачками, подлый гад! Сволочь, садист, живодер недобитый!

В сердцах я забыла, где нахожусь, и крыла его по-русски, спеша выплеснуть всю свою ненависть. Наверняка он это чувствовал, хотя и не понимал, но отвечать не собирался. Поставил посудину неподалеку от меня и сел у противоположной стенки, изредка поглядывая в мою сторону желто-зелеными глазами, в глубине которых светилось откровенное презрение.

И вот оно было самым неуместным в этом месте и этой ситуации, хотя я не сразу это заметила.

Некоторое время тишину странного жилища нарушало лишь шуршание ветвей от ветра, потом шеосс взял свою чашку и начал есть. Судя по всему, там было что-то молочное, сметана или простокваша: на морде монстра, поразительно похожей на человеческое лицо, остались белые капли. Он вытер их какой-то серой тряпкой, оставил пустую чашу и, покопавшись в подстилке, достал плоскую деревянную шкатулку.

Я настороженно следила за каждым его движением, ноги постепенно оживали, и вместе с ними возрождалась надежда на спасение. Смешно ведь не попытаться сбежать, если это единственный шанс выжить самой и спасти деда.

— Ты хотел быть шеосс, — произнося слова как-то слишком медленно, словно с трудом, бесстрастно объявил мой враг, глянул на меня с откровенным ехидством и победно завершил: — Теперь ты шеосс!

Целую минуту, а может и две, я потрясенно таращилась на него, пытаюсь понять, что он хотел этим сказать и есть ли какое-то второе или третье значение у этих диких слов, но монстр молчал, многозначительно постукивая по шкатулке обезьяньими пальцами.

— В каком смысле? — сообразив, что реплика за мной, сухо осведомилась я.

Он снова высокомерно ухмыльнулся и с неожиданной выразительностью оглядел меня с ног до головы. Автоматически проследив за его взглядом, я обмерла, не желая верить в происходящее.

Шоколадная шерстка, которую научил меня выращивать дед, просто на глазах росла и зеленела, превращая меня в точную копию сидевшего напротив шеосса. Вот теперь значение его слов наконец дошло до меня более чем отчетливо, и новая волна отчаяния затопила душу.

Теперь бесполезно даже пытаться сбежать: вторая часть плана — достать одежду, сменить облик и попытаться добраться до любого мага — мне уже недоступна. Ни один человек не станет задаром слушать шеосса, которых тут считают духами леса, способными за ночь вырастить любое дерево. Сначала от меня потребуют оплату... а где я ее возьму?

И я снова сорвалась, глупо и некрасиво, как самая натуральная гламурная истеричка, которых давно узнаю с первого взгляда и просто на дух не выношу.

— Какой еще шеосс?! — заорала во все горло, словно монстр был глухим. — Какой, ко всем чертям, шеосс?! Я никогда не собиралась такой оставаться, мне всего-то и нужно было выжить несколько дней, пока доберусь до поселка!!!

О том, что там я намеревалась просто обокрасть селян, оставив взамен одежды сомнительную расписку на имя Бестенса, я, разумеется, смолчала, надеясь, что этот вопрос никогда не возникнет в лохматой башке шеосса.

— Тут сказано, — с откровенным превосходством заявил он и достал из шкатулки документ.

Именно документ, каллиграфически выписанный на плотной, пожелтевшей бумаге замысловатыми значками и украшенный бледно светящимися печатями.

Я схватила его в руки и принялась лихорадочно складывать в слова, знакомые с детства, местные буквы, спеша и ошибаясь на каждом слого:

— «Каж... каждый, кто при-дет в лес на... нагой... и во... возьмет об... образ...»

— Не умеешь, — еще высокомернее констатировал шеосс и, отобрав у меня документ, начал читать медленно и с явным удовольствием: — «Каждый, кто придет в лес нагим, добровольно примет образ шеосса, найдет клад, сделает редкий дар и примет ответный дар, — навеки станет шеоссом!»

— Ко мне это не подходит! — обрадовалась я. — Я тебе никакого дара не делала! И клада не находила!

— А ягода? — снисходительно фыркнул он. — Ты думала про незнакомую мне ягоду, я ее создал и тебе подарил. Теперь буду такие сажать.

— А клад? — ехидно осведомилась я. — Клада не было!

— Ты его нашла, защиту нарушила и сверху сидела. — В голосе шеосса чувствовались раздражение... и разочарование, что ли.

— Бред! Я не клад искала, а сухие листья, чтобы сделать себе постель. И шерсть отращивала только потому, что никакой одежды у меня нет, а сидеть под дождем нагишом холодно! — протестовала я, а в душе стремительно росла безумная надежда.

Возможно, у меня есть шанс избежать вступления в клан шеоссов, раз он начал переговоры?

— Весной в лесу таких листьев не бывает, — логично заметил зеленый зверь и сухо добавил: — А эти никто не видит. Только имеющий дар. А раз у тебя есть дар — ты могла сделать платье, а не шкуру шеосса! Значит, лжешь. Ешь и ложись спать, утром пойдешь учиться сажать дубы. Это теперь твоя жизнь.

Встал и направился к той стене, откуда пришел. Я сразу же очень отчетливо представила, как годами брожу по лесу, копая ямки под саженцы, потеряв из-за проклятого монстра все, чего у меня еще нет, но могло бы быть. Родителей и родной дом, деда и того пока неизвестного, но заведомо самого замечательного парня, которого я еще не встретила.

И не могла, как я теперь понимаю. Просто дед никогда бы этого не допустил. Только перед уходом сюда я внезапно сообразила, почему, едва познакомившись со мной, парни исчезали, не оставив координат. Некоторых почти сразу ра-

зоблачал дед, угостив домашней наливочкой и разговорив, другие прокалывались сами, как только попадали в нашу квартиру, заставленную старинной мебелью и антиквариатом.

И как деду удалось уговорить Клавдию Степановну, владелицу четырехкомнатных хором в дореволюционном доме, пустить нас на квартиру, теперь тоже догадываюсь. Понимаю, и почему она потом по-настоящему уважала деда и считала меня внучкой, нянчилась и воспитывала почти двенадцать лет, пока внезапный сердечный приступ не настиг старушку в булочной, когда при ней не оказалось приготовленных Бесом пилюль.

Все это промелькнуло в мозгу не молнией, а обжигающим откровением, заставившим меня снова взорваться ненавистью к проклятому монстру. И пусть он умеет говорить по-человечески и даже читать, на поверку это чудище хуже дикого зверя, который охотится только из-за голода.

— Я никогда не лгу! — закричала, всей душой желая убить, стереть в порошок существо, превратившее меня в шеосса ради дурацких дубов. — И никаких платьев делать не умею, иначе и близко бы сюда не попала! Это ты, гад, убийца, подлец, придумал хитрые правила и ловишь бедных людей, чтобы превращать в своих рабов! Чтоб ты сгорел, чудовище!

Ослепительная вспышка заставила меня на миг зажмуриться, но уже в следующий момент, услышав потрескивание огня и почуяв едкий дым, я распахнула глаза и потрясенно замерла, глядя на яркий факел, в который превратился шеосс. Но горел не только он, язычки пламени весело лизали своды шалаша и устилающий пол мох, дымились корявые полки и пустая чашка.

Надо бежать, пока не сгорела, мгновенно решил кто-то за меня, и, ринувшись к выходу из шалаша, я принялась яростно раздвигать упрямо не поддающиеся ветви.

— Стой! — властно рыкнул шеосс, и в то же мгновение со всех сторон брызнула вода, словно кто-то нажал рычаг, включающий фонтан.

В несколько секунд я промокла, как сунутый в ванну котенок, и сразу поняла на своей шкуре, почему они так не любят купаться. Очень противно, когда по шерсти течет холодная жидкость, которую невозможно вытереть.

Кстати, пахла она странно, как будто в воду добавили майского меда. Автоматически собрав в позеленевшую ладонь несколько капель, слизнула их, смывая с горла горьковатый запах дыма. Действительно, вкус отдает лимонадом. Я уже осознанно подставила руки под слабеющие струйки, набрала сколько смогла и выпила до последней капли.

— Пункт четвертый, — насмешливо сообщил шеосс, и его голос почему-то показался мне женским, — выпить сока синего дуба, отданного добровольно.

— Не было в том свитке четвертого пункта! — машинально возразила я, опасливо поворачивая голову.

Смотреть на обожженного монстра не хотелось категорически, к тому же в глубине души плескался жгучий стыд. Я всегда остро ненавидела нелюдей, способных спокойно издеваться над живыми существами, а сегодня сама чуть живо не сожгла шеосса. И не важно, что монстр поступил со мной подло, он лишь выполнял какой-то свой закон, который я умудряюсь нарушать каждые пять минут. И может, я сумею ему чем-то помочь?

Увиденное просто потрясло. Шеосс сидел на пенке и спокойно соскребал с себя запекшиеся комки, под которыми нежно зеленела густая, чистая шерсть. И на его оливковой морде не было даже следа от пламени, жарко полыхавшего тут всего минуту назад.

Значит, огонь шеоссам не страшен? И я зря за него переживала? Он сейчас отряхнется и будет как новенький, а я нечаянно сделала еще один шаг в вечное рабство. Если только он не обманул со злости.

— Пункты с четвертого по седьмой написаны на другой стороне, — ехидно пояснил лохматый интриган.

И так уверенно он это сказал, что я вдруг очень отчетливо поняла — все бесполезно, и сопротивление, и ругань. И просить его о пощаде тоже не стоит. Им зачем-то нужны

новички: может, сами размножаются плохо, а может, дубов нужно больше. Вот оно какое полезное, оказывается, это дерево: и жить на нем можно, и от дождя укроет, и от пожара защитит.

В груди все сжалось, и стало так больно и горько, что я села прямо там, где стояла, уронила голову на колени, обхватив их руками и заплакала так отчаянно, как раньше плакала лишь один раз, узнав, что бабушки Клавы больше нет. Я подвывала и всхлипывала, отчаянно жалея и себя, и деда, и незнакомую мне мать.

— Чего ты так ревешь? — буркнул шеосс совсем рядом. — Ведь получила все, чего желала!

— Дурак ты был, дураком и остался, — прорыдала я обреченно. — Тебе объясняют как человеку — не могла я этого хотеть! И правил ваших не знала! А одежды у меня нет по простой причине — я только утром пришла сюда из другого мира, а в портал вещи не проходят. И зачем мне твои клады, если мне мать искать нужно, я ее двадцать лет не видела! А потом деда сюда вытаскивать, он там быстро стареет, у нас магии нет!

— Но ты же маг?

— А ты — зеленый дурак! До дня сегодняшнего никакой магией я не была. Магами становятся после межмирового перехода. Хотя в детстве, когда дед меня туда утащил, мне, конечно, достались способности, но без магии они не развивались. Кое-что я умела, погоду предсказать, и камни видела, но не больше, чем некоторые люди.

— Кто такой «дед»? — Шеосс уже сидел почти рядом и спрашивал с любопытством, но я не обольщалась.

Раз монстру так нужен раб, что он готов на любые интриги, то вряд ли станет меня жалеть и уж конечно никогда не отпустит.

— Он маг из этого мира. Вытащил меня из лавины и открыл портал в другой мир. Как это случилось, не знаю, была совсем маленькой, а потом он меня нашел в приюте и украл. И все эти годы, пока искал способ вернуться, заботился и копил энергию. Но накопил мало, хватило только на меня. Те-

перь я должна найти мать и магов и попросить помочь ему открыть портал. А если я буду сажать твои дубы, дед там скоро умрет... а он у меня единственный родной человек.

Я отвернулась от упрямого монстра и снова заплакала, тихо и безнадежно.

Шеосс встал и принялся копать в своих потайных сундучках и сχροнах, открывавшихся в самых неожиданных местах: под мхом, среди ветвей и даже на куполе шалаша, в плотно прикрывающих убежище листьях.

— Идем, — объявил он, закончив свою возню. — Скоро ночь, спать будем в другом месте.

Мне было все равно, где спать, и спорить я не собиралась. Только законченные дурочки, попав в плен к могущественным существам, сопротивляются открыто. Сегодня такой идиоткой я уже была... правда, явно из-за стресса, но это плохое оправдание для разумного человека. И повторять печальный опыт больше не собираюсь, во всяком случае очень постараюсь.

— Слезай сама, — раздвинув ветви, скомандовал леший. — Ты теперь шеосс и сильнее, чем прежде.

«Благодаря твоим стараниям», — едва не съязвила я, но прикусила язык и полезла вниз, благодаря судьбу, что хотя бы гроза закончилась.

Руки и в самом деле стали крепче, или тут сила тяжести слабее, не мне судить, но спустилась легко, как будто весила втрое меньше. «Глядишь, с такими талантами вообще акробатом скоро стану, смогу в цирке подрабатывать», — ядовито ухмылялась я, топая за шеоссом, уверенно прокладывающим путь через густой кустарник. Но в душе было пасмурно и тоскливо.

А монстр, едва миновав мокрые, колючие заросли, тщательно расчесавшие и промывшие мою шерсть спереди и по бокам, остановился и коротко свистнул. С минуту мы чего-то ждали, потом между деревьев замелькали тени, и на полянку выскочили странные мохнатые звери. Явно травоядные, пониже оленей, но выше коз. Чем-то похожие на яков, однако ноги, заканчивающиеся широкими копытами, длиннее. Рогов

они не имели, зато изо рта торчали внушительные бивни. «Значит, тут водятся и хищники, от которых этими бивнями удобно отбиваться», — мелькнула здравая мысль и пропала, когда одно из животных направилось напрямиком ко мне.

Уж не знаю, чего оно хотело, выяснять это на близком расстоянии я не собиралась. Белкой влетела на дерево и устроилась в удобной развилке.

— Слезай, — мгновенно раздался приказ. — Это олени. Мы на них поедем.

— У оленей не бывает клыков, — возразила я сверху. — У них ветвистые рога, и вообще они изящные.

— Это твой маг так делал перевод, — укоризненно посмотрел на меня шеосс. — Значит, другого подходящего зверя не нашел. Слезай, они добрые и бегают быстро. До темноты доедем.

Я глянула на небо и медленно полезла с дерева вниз. Солнце и в самом деле уже наполовину ушло за кроны дубов, и путешествовать по лесу ночью — наверняка не самое лучшее развлечение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На клыкастых оленях шеоссы ездили без седла и поводьев, просто вцепившись покрепче в гриву да пониже опустив голову, чтобы не выбило сучком глаз.

Распластавшись на шее стремительно ринувшегося вперед животного, я жалела лишь о том, что лешие не научились выращивать себе панцирь на лбу. А еще на затылке и плечах, хотя густая шерсть очень хорошо смягчала удары ветвей, заодно причесавших и вымывших теперь мою спину. Вообще, за шерстью, оказывается, очень удобно ухаживать: погулял по кустам после дождя — и мыться не нужно. А мелкие веточки и всякие листочки-цветочки обсыплются сами, когда просохнешь.

Как выяснилось, дорогу олени знали отлично и привезли нас к небольшому домику как раз к тому моменту, когда на

небе поблекли розовые, как малина, облака. На несколько секунд замерли, позволив спокойно слезть, и так же стремительно умчались в заросли.

Шеосс не оглядываясь поспешил к дому, одним прыжком заскочил внутрь и закрыл за собой дверь, а я постояла, озираясь, и потихоньку побрела следом за ним. Все правильно он соображает, больше мне отсюда идти некуда. Если с того места, куда рассчитывал забросить меня Бес, он советовал идти на юг, то теперь я и близко не могу понять, как выбираться. На этой планете больше лесов, чем морей, и я вполне могу совершить кругосветное путешествие и вернуться сюда же, так и не попав ни в один город.

— Долго ты будешь раздумывать? — ехидно спросили откуда-то сверху.

Подняв голову, я увидела распахнутое окно и глядящую на меня из него женщину.

Самую обычную, деревенскую, я таких в поселке встречала, где дед живет. В каких-то пестренких кофточках и несурзных платках, они с ранней весны копали и пололи грядки, продавали на лавочках у станции первую клубнику и молодую картошку, а по осени — груши и яблоки в ведерках разных размеров.

— А мне можно войти? — спросила я вежливо.

— Входи, — как-то странно скривилась она и захлопнула окно.

Мое «спасибо» никто уже не услышал, но ведь это и не важно? Главное, я его сказала.

В доме властвовали три сестры запустения: темнота, тишина и сыроватая прохлада, но из-за приоткрытой двери, ведущей из сенцев в какую-то комнату, тянуло дымком и доносился тихий треск разгоравшихся дров. Подождав немного, но так и не услышав приглашения, я решительно направилась именно туда. Просто потому, что в другие двери входить не хотелось абсолютно.

Судя по первому впечатлению, это кухня. Небольшая, почти как в доме деда, только печь незнакомой конструкции. Снизу — маленький камин, в котором разгораются наломан-

ные неровными кусками сучья, а выше — несколько глубоких ниш вроде духовок, и пара из них даже имеет дверцы.

Однако едой оттуда не пахло, да и никого, кроме меня, здесь не было. Но идти дальше не хотелось, и я скромно присела возле печи, протянула к огню руки, обросшие зеленоватой влажной шерстью.

— Тебе нужно выпить вот это и искупаться, — раздалось от двери указание, как хлыстом ударившее меня своей безапелляционностью.

И хотя девушка я вежливая, довольно покладистая и ни капли не хабалка, но вот такой командирский тон просто на дух не переношу.

— Ничего мне не нужно, — огрызнулась в ответ и показала ей зубы, как делает дедов ротвейлер. Подумала и добавила: — Согреюсь и пойду спать в кустики.

— Как тебя зовут? — Женщина вошла в кухню, поставила на стол свою кружку и корзинку, достала с полки котелок и принялась бросать в него все подряд.

Куски мяса, какие-то корни, крупу, травы, орешки. В общем, суп а-ля Гекельберри Финн.

— Варя, — нехотя буркнула я, глядя, как она вешает котелок над огнем.

Значит, ужин будет по-туристски, с дымком.

— Варья? — повторила она.

— Хоть горшком зови, только в печь не ставь, — само сорвалось с языка.

— Расскажи про деда.

— Откуда ты знаешь? — изумленно подняла я бровь и сразу сама сообразила, кто меня заложил. — А, тот зеленый изверг успел наябедничать. Ну, тогда он тебе все рассказал, мне добавить нечего.

— Почему ты такая злая? — укоризненно смотрела на меня женщина, и ее зеленые глаза казались смутно знакомыми.

— А чему мне радоваться? — с сарказмом ухмыльнулась я. — Не успела попасть в ваш мир, как вляпалась по самое не балуйся. И ведь предупреждал дед: сиди тихо в кустиках, нет, пошла к этому проклятому дубу, как поманил кто!

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КНИГЕ СЛОВ ИЗ СЛЕНГА ГЕЙМЕРОВ

Агрить — злить моба, заставить нападать.

Бижа — любые украшения персонажа, имеющие магические бонусы (защита, урон и др.).

Босс — самый сильный, особенный моб в данже.

Данж — место, где обитают самые свирепые монстры и боссы, за уничтожение которых выпадают ценные бонусы.

Дроп — игровые предметы, выпадающие из уничтоженных мобов.

Качать — выращивать игровой персонаж до высокого уровня (левла).

Крит — критический удар персонажа или моба, намного сильнее обычного.

Левел, левл — уровень развития игрового персонажа; прокачивать левлы — целенаправленно тренировать игрового персонажа с целью быстро поднять его уровень.

Лока — ограниченная игровая локация.

Моб — любой игровой монстр, которого можно уничтожить.

Пати — временный отряд игроков, созданный для прохождения данжа.

Пет — призванный питомец игрового персонажа, умеющий выполнять мелкие поручения, воевать и даже кастовать простые заклинания.

Стан — парализующее противника заклинание, которым владеют как персонажи, так и монстры; *станить, застанить* — бросить во врага парализующее (станящее) заклинание.

Танк — игровой персонаж, имеющий большое количество жизней, высокую защиту и умение агрить мобов.

Хил — целитель, игровой персонаж с умением лечить одновременно с собой весь отряд спутников.

Хилка — флакон с зельем, восстанавливающим жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОЧЬ ДВУХ МИРОВ. ИСПЫТАНИЕ. Роман	5
<i>Краткий словарь используемых в книге слов из сленга геймеров</i>	<i>278</i>